

Д. С. Вишнеvский, А. Н. Демьяненко

О МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОМ ЗОНИРОВАНИИ: ОТВЕТ РЕЦЕНЗЕНТУ

Ознакомившись с откликом Б. Х. Краснопольского (16) на статью Д. С. Вишнеvского и А. Н. Демьяненко [5], авторы решили выразить свое несогласие с мнением рецензента.

Приведем цитату из рецензии: «В рассматриваемой статье авторы делают весьма продуктивную попытку внести свой научный вклад в решение одной из важнейших проблем пространственной организации общества — более рационального экономического районирования / зонирования хозяйственных систем различного уровня» (16, с. 169).

На самом деле авторы не ставили целью вносить какой бы то ни было вклад в решение проблем пространственной организации общества. Единственное, что представляло интерес — как зонирование может быть использовано в качестве одного из инструментов стратегического анализа, в той его части, которая имеет непосредственное отношение к выявлению пространственной дифференциации условий экономической деятельности.

Поскольку Б. Х. Краснопольский, как представляется авторам, не очень разобрался в том, что составляет суть статьи, и весьма своеобразно уяснил ее задачи, он тем самым существенно осложнил саму возможность ведения дискуссии. Тем не менее авторы попытаются ответить на выдвигаемые рецензентом претензии.

Начнем с мифичности. В статье, по мнению Бориса Ханановича, мифичность «...связана, во-первых, с тем, что происходит некоторая подмена методологий и методик в области пространственной экономики теоретическими и прикладными подходами из близких научных дисциплин, в частности, из географии и экономической географии, вместо последовательной и довольно тяжелой работы над специфическим аппаратом, свойственным именно для экономической науки» (16, с. 169).

Приходится еще раз зафиксировать позицию авторов, которая заключа-

ется в том, что они не брали на себя ответственность за «тяжелую работу над специфическим аппаратом» и даже не знают, что это за «аппарат» и в чем его специфичность.

Но есть у Бориса Ханановича еще и «во-вторых». Оказывается, что кто-то приписывает этим подходам, т.е. методологии и методикам географических исследований, несвойственную им роль, представляя их «в качестве панацеи от многих зол в экономической области, в частности в применении к России» (16, с. 170).

Если рецензент полагает, что районирование и зонирование есть нечто сугубо географическое и для экономических исследований неприемлемо в принципе, то он не прав. И в этом можно убедиться, ознакомившись с работами¹, которые были опубликованы на страницах журнала «Пространственная экономика», в состав редколлегии которого он входит.

Упрек авторам статьи в том, что они пытались «...построить тот теоретико-методический инструментарий, который отличался бы отражением реальной действительности в протекаемых в практике изучаемых явлений и процессов в области экономического районирования (или зонирования, по терминологии авторов), жестко привязывая его к физико-географическим характеристикам тех или других пространственных образований» (16, с. 170), не по адресу.

Во-первых, авторы не пытались построить теоретико-методологический инструментарий, во-вторых, категорически против отождествления зонирования и районирования². Осуществляя макроэкономическое зонирование Дальнего Востока, авторы рассматривали его как инструмент (один из многих), который позволяет выявить территории, относительно однородные с точки зрения влияния интенсивности внешних по отношению к экономике региона условий, в том числе природных. И не более того.

Далее, оказывается, что «после подробного ознакомления со статьей возникает ощущение, что авторы (волей или неволей) выдают желаемое (т.е. макроэкономическое зонирование) за действительно выполненное исследование (т.е. в реальности весьма профессионально проведенное физико-географическое районирование с учетом некоторых экономико-географических параметров)» (16, с. 170—171).

Отметим сразу, что ощущения эти обманчивы. Во-первых, авторы считают, что нет необходимости «уточнять понятия», вполне достаточно тех, которые используются в отечественной экономической географии и регио-

¹ См. [8—10] и еще многие другие. И если Б. Х. Краснопольскому хотелось подискутировать по проблемам теории и методологии пространственной экономики, то для этого есть более интересные объекты, напр.: [7, 12—15].

² Подробно о взаимоотношениях понятий «ареал», «зона» и «район» см.: [1].

нальной экономике. При этом авторы не выходят за пределы сложившихся к настоящему времени представлений относительно содержания терминов¹.

Судя по всему, Борис Хананович не очень разобрался в том, что такое зонирование, в том числе и экономическое, поэтому поясняем: зонирование (в том числе и экономическое) представляет собой аналитическую процедуру, предполагающую выделение территориальных образований (в данном случае — зон), однородных в отношении заранее сформулированных критериев. При этом в качестве основного метода анализа был выбран картографический, другие, в частности статистический и сравнительный, были использованы в качестве вспомогательных. Естественно, что, как и в случае экономического районирования, экономическое зонирование не может быть бесцельным, пригодным на все случаи жизни. В данном случае была вполне определенная цель: экономическое зонирование рассматривалось как один из методов стратегического анализа, «позволяющего выявить и оценить пространственную неоднородность не только внешней по отношению к экономической системе региона среды, но и пространственную неоднородность самой экономической системы мегарегиона» [5, с. 11].

Во-вторых, непонятно, что значит влияние терминов «на механизмы экономико-стратегического анализа и синтеза». В доступной авторам литературе по стратегическому менеджменту и региональному стратегическому управлению термин «экономико-стратегический анализ и синтез» не встречался. Речь в статье шла исключительно о стратегическом анализе как об одном из этапов разработки региональной экономической стратегии.

Далее перейдем к алгоритму макроэкономического зонирования. Но для начала приведем цитату из отклика Бориса Ханановича: «экономическое районирование является более комплексным и включающим в себя весьма широкий ряд неоднородных социально-экономических параметров, а экономическое зонирование, построенное на учете однородных, преимущественно физических факторов, на самом деле не является «экономическим» по своей сути, а концентрируется на естественно-географических параметрах изучаемого пространственного образования» (16, с. 171). Почему к таким умозаключениям пришел рецензент, прочитав: «Зонирование всегда имеет дело с гомогенными пространственными образованиями, районирование, напротив, — с гетерогенными образованиями» [5, с. 7], — понять трудно.

Затем Борис Хананович утверждает, что авторы под первым этапом макроэкономического зонирования понимают «результаты физико-геогра-

¹ При этом авторы отдают себе отчет в том, что сам по себе вопрос — насколько сложившийся понятийно-категориальный аппарат соответствует современным исследовательским задачам — имеет право на существование, но требует специального рассмотрения, а не может решаться попутно, как бы мимоходом.

фического районирования, в частности, ландшафтные системы первого (высшего) уровня, поскольку они в самом общем виде синтезируют всю совокупность элементов природной среды, позволяя описать и оценить состояние природной среды в целом» (16, с. 171). На самом деле в тексте статьи: «Содержанием первого этапа макроэкономического зонирования является оценка природной (физико-географической) среды на неоднородность экономического пространства. С этой целью были использованы результаты физико-географического районирования, в частности, ландшафтные системы первого (высшего) уровня, поскольку они в самом общем виде синтезируют всю совокупность элементов природной среды, позволяя описать и оценить состояние природной среды в целом» [5, с. 12].

Но главное все-таки не в том, что Борис Хананович вольно обращается с чужим текстом, главное в содержании его суждений относительно того алгоритма, который использован в работе.

Суждение первое: «Этим этапом (т.е. первым. — *Д. В., А. Д.*) и должно ограничиваться так называемое авторами макроэкономическое зонирование, которое по сути своей однородности (гомогенности) является чисто физико-географическим» (16, с. 171).

Суждение второе: «Дальнейшие два этапа макроэкономического зонирования выглядят, к сожалению, «притянутыми за уши», т.к. они резко отрывают его суть от принципа гомогенности (однородности) и переводят в ранг анализа гетерогенных (разнородных, многопараметрических, включая социально-экономические характеристики) систем, т.е. в область гетерогенности, составляющей суть (по мнению самих же авторов, приведенному выше) экономического районирования. То есть в случае этого весьма важного методологического принципа авторы противоречат сами себе. И это подтверждается рисунками и таблицей, приведенными в статье, где отображаются размещение метеостанций и оценка чисто физико-географических параметров четырех подрайонов в соответствии с этим размещением» (16, с. 171).

Для начала вопрос нашему рецензенту: так все-таки дальнейшие два этапа «выглядят» или они действительно «притянуты за уши»? Что же касается противоречия, обнаруженного рецензентом, то оно, по мнению авторов, кажущееся. Ибо содержание второго этапа — «оценка влияния параметров социальной среды (численность и плотность населения, его этнический состав и система расселения) в разрезе ландшафтных зон (подзон и секторов), что позволяет выявить степень агрессивности внешней среды в отношении экономической деятельности и комфортности проживания населения» [5, с. 17].

Содержание третьего этапа составляет анализ структурных характеристик сложившейся территориальной организации экономики, а также обозримых перспектив ее развития. При этом при переходе от одного этапа к другому

происходит уточнение границ макроэкономических зон благодаря вовлечению в анализ нового слоя данных.

Однако вернемся к тексту, тем более что далее следует самое интересное: «Безусловно, сама по себе задача оценки влияния природной (физико-географической) среды на формирование того или другого пространственно-экономического образования является чрезвычайно важной, но решение этой задачи связано с реальными экономическими процессами на той или другой территории, которые лежат в области экономики как таковой. ... И решение этой сложной задачи нельзя подменять физико-географическим районированием, пусть даже весьма профессиональным и даже с учетом некоторых экономгеографических параметров, таких как численность и плотность населения, его этнический состав и системы расселения в разрезе некоторых ландшафтных зон» (16, с. 172).

Здесь авторы и рецензент нашли общее понимание хотя бы одному вопросу: действительно, «задача оценки влияния природной (физико-географической) среды на формирование того или другого пространственно-экономического образования является чрезвычайно важной». А вот с тем, что эта задача сугубо экономическая, авторы не согласны. Как, впрочем, и с приписываемым авторам желанием подменить ее решение физико-географическим районированием. На самом деле ситуация представляется несколько иначе. Задача оценки влияния природных факторов на пространственную организацию экономики никак не может быть решена исключительно методами экономической науки, эта задача относится к числу задач, которые, будучи экономическими по преимуществу, предполагают использование инструментария и других наук, в том числе и географии (и не только), что вовсе не умаляет заслуг экономистов в ее решении.

Теперь несколько слов относительно приведенной в статье карты «Макроэкономические зоны Дальнего Востока». Рецензент утверждает, что это повторение пройденного, более того — «стрельба по воробьям» (!). Эпитет эффектен, но его использование в данном случае свидетельствует, что рецензент «слона и не приметил», т. к. приведенная в статье схема макроэкономического зонирования — важнейший ее элемент. По сути, это картографическое представление основных положений статьи в форме образно-знаковой модели, позволяющей, с одной стороны, предоставить потребителю (тем, кто разрабатывает региональные стратегии) необходимую ему информацию в удобной форме. С другой стороны, карта макроэкономических зон, как, впрочем, и любая профессионально выполненная экономическая карта, — это еще и эффективный инструмент исследования пространственных проявлений экономической деятельности и условий, в которых она имеет место быть.

Авторам очень бы хотелось, чтобы рецензент объективно оценил досто-

инства и недостатки предложенной схемы членения территории Дальнего Востока на макроэкономические зоны, а не судил об этом умозрительно, опираясь на личный опыт проживания и работы на Крайнем Севере. К сожалению, суждения Бориса Ханановича в отношении предложенной схемы зонирования поверхностны, а аргументация явно несостоятельна.

Завершая эту тему, приведем мнение А. Н. Пилясова: «...в современной мировой экономической науке есть табу на разработку темы зональности» и, как результат: «Единственное исключение — недооцененная как географическим, так и экономическим сообществом России работа «Экономика Сибири в разрезе широтных зон» [17, с. 70]¹.

Вернемся к рецензии. Автор рецензии отмечает, что «при подобных классификациях выделялись, например, еще и так называемые Срединные районы Дальнего Востока, существовали и другие схожие или несколько отличные модификации экономгеографического районирования» (16, с. 172). Увы, но приходится констатировать, что Борису Ханановичу удалось найти в статье то, чего в ней нет, а именно — «экономгеографическое районирование». Проанализировав содержание собственной статьи, авторы нашли в ней лишь следующее: «Логика исследования пространственной неоднородности экономического пространства как необходимого элемента стратегического анализа требует на уровне экономического мегарегиона вслед за проведением макроэкономического зонирования экономического районирования» [5, с. 29].

По мнению рецензента, «есть в статье и некоторые другие утверждения авторов, вызывающие некоторое недоумение, например: «Под экономическим пространством авторы понимают систему полей (подпространств), обязанных своей структурой неравномерному распределению отдельных видов ресурсов» [5, с. 7]. Ссылка здесь на аналогию с известным определением социального пространства, данным более двадцати лет назад П. Бурдьё, конечно, иллюстрирует широкую эрудицию авторов, но мало проясняет их конкретную позицию относительно данного вопроса. Так что они все-таки понимают под терминами «поля» и «подпространства» в данном конкретном случае макроэкономического зонирования? В принципе, кто бы возражал против того, что экономическое пространство зависит от наличия в его ареале различного рода ресурсов, надо думать — природных, социальных, экономических, интеллектуальных, инфраструктурных и др.» (16, с. 173).

Конечно, приятно, что рецензент отметил «широкую эрудицию» авторов. Однако вернемся к П. Бурдьё², социальному и экономическому простран-

¹ Речь идет о монографии «Экономика Сибири в разрезе широтных зон», изданной в 1985 г. под редакцией А. Г. Гранберга.

² Несмотря на то, что П. Бурдьё (1930—2002) совсем недавно ушел из жизни, существует немало публикаций, посвященных этому выдающемуся исследователю и его творческому наследию (см., напр.: [19—21]).

ствам. Во-первых, «сказанное более двадцати лет назад» не есть плохо. Во-вторых, видимо, авторы статьи допустили промах: следовало не ограничиваться цитированием, а дать пояснения, хотя бы потому, что концепция поля не столь популярна уже в силу того, что в ее современном виде пришла она в экономику из социологии. Хотя при желании те или иные положения этой концепции можно найти в работах экономистов, среди которых Ф. Перру и ряд других, в первую очередь, французских экономистов-пространственников. После этих пояснений по поводу П. Бурдые рискнем констатировать: в экономической науке, в том числе и отечественной, нет общепринятого определения термина «экономическое пространство». Хотя существует немало попыток, особенно в рамках диссертационных исследований, дать определение экономического пространства, но авторы не преследовали цель дать еще одно определение, поэтому взяли в качестве рабочего кальку с определения П. Бурдые. Возможно, следовало использовать другое, более подходящее. Но зачем? Основные положения теории поля доступны, и лучше П. Бурдые все равно ее не изложить¹.

Однако как бы ни был интересен П. Бурдые, все-таки возвратимся к отклику Бориса Ханановича, тем более что в нем содержится неприятие использованного авторами «методического аппарата анализа», который к тому же дан «фрагментами и намеками, без достаточно четкого определения» (16, с. 173). На взгляд авторов, в статье достаточно четко изложен «методический аппарат анализа»: есть классификация характеристик, указаны работы, в которых содержится подробное обоснование классификации, приведены основные этапы анализа и их содержание.

Исходная теза авторов была проста до наивности: прежде чем выстраивать систему стратегических целей для экономики регионов макроуровня (т.е. регионов первого уровня членения национального экономического пространства), следует в рамках стратегического анализа определиться с тем, каковы свойства внешней по отношению к экономике среды.

Что же касается очередного недоумения Бориса Ханановича по поводу утверждения: «При этом принципиальным является выделение двух свойств экономического пространства: неоднородность и иерархичность» (с. 7), которое он выразил в форме вопроса: «Так как же здесь снова это утверждение сочетается с гомогенностью (однородностью) экономического зонирования, которое строится, как утверждают авторы, на только что приведенном определении экономического пространства и на учете его свойств?» (16, с. 173), то можно пояснить следующее.

¹ Помимо упоминавшейся в тексте нашей статьи работы П. Бурдые [3], рекомендуем его же работу «Поле экономики» [4]. К тому же есть и работы отечественных исследователей (см., напр.: [18]).

Во-первых, авторы, как подавляющее число отечественных и зарубежных исследователей, считают эти два свойства определяющими в понимании природы экономического пространства¹.

Во-вторых, выделяя в пределах Дальневосточного макрорегиона однородные по условиям ведения экономической деятельности территориальные образования — макроэкономические зоны, авторы выявляли пространственную неоднородность в пределах макрорегиона. Но если перейти (что в работе не делалось, ибо не было такой цели) с макроуровня на следующий уровень, скажем, мезоуровень, то и в этом случае не исключается целесообразность выделения экономических зон². При этом глубина погружения, т. е. количество уровней иерархии экономического пространства, естественно, всякий раз определяется целями исследования.

Наконец, перейдем к заключению, которое вызвало у Б. Х. Краснопольского и сожаление, и недоумение, ибо ему непонятно, «каким образом отражается логика проведенного исследования, например, в таких двух фразах, которые по своей сути просто противоречат друг другу?» (16, с. 173).

Итак, фраза первая: «Система зон в целом и каждая из них в отдельности представляют собой рабочие (именно рабочие, так в тексте статьи) модели исследований взаимодействия природных и экономических пространственных систем, это своего рода «квазиинтегральные» системы, как их обозначает А. Г. Исаченко»³ [5, с. 28]. Фраза вторая: «В предельно четкой форме это положение было сформулировано академиком В. Б. Сочавой: «Раздельная трактовка природных геосистем и территориальных систем населения и анализ их взаимосвязей сулит более конструктивные выводы практического порядка, нежели понимание геосистем... в качестве единого географического комплекса, сочетающего в себе природу, население и хозяйство» [5, с. 29].

Возможно, авторы просто плохо сформулировали свою позицию. Попытаемся сделать это еще раз. Система зон и ее отображение на карте — это дей-

¹ Обстоятельная сводка различных точек зрения на свойства экономического пространства содержится в работе [2].

² Так, в пределах Амурской области, которую с известными оговорками можно принять в качестве региона мезоуровня, были выделены три зоны социально-экономического развития [6], которые отличались друг от друга, но каждая из них была однородна по заранее заданным критериям.

³ «Кстати, статьи весьма известного и уважаемого автора А. Г. Исаченко, касающиеся «квазиинтегральности» исследуемых систем, в основном посвящены ландшафтоведению и физико-географическому районированию и его тесным связям с системами расселения и природопользования. То есть ссылки авторов на эти статьи показывают как раз явную противоречивость между их содержанием и авторскими утверждениями о гомогенности экономического зонирования» (16, с. 174). Что тут еще можно сказать по поводу «гомогенности» и «квазиинтегральности»? Только одно: комментировать тут нечего, все уже было сказано выше. Но чтобы не возникло у читателей ощущения, что авторы все использовали положение А. Г. Исаченко, считаем своим долгом отметить: этот фрагмент статьи был согласован с А. Г. Исаченко и получил его одобрение.

ствительно модель, картографическая модель, которая позволяет исследовать взаимодействия пространственных систем, при этом сами зоны действительно «квазиинтегральны», или, по-другому, «конгломератны». Анализируя пространственные проявления экономической деятельности по зонам, авторы рассматривают ее в контексте природных, социальных, административных и иных пространственных систем в зависимости от целей конкретного исследования.

Существует и другая точка зрения, которая широко распространена, предполагающая конструирование территориальных природно-хозяйственных систем, в рамках которых разнокачественные элементы (природные и экономические) образуют некие целостные системы, которые обычно обозначают как природно-хозяйственные районы. Но это другой, если угодно, методологический подход, который также имеет право на существование. Позиция авторов иная, только и всего.

Авторы искренне полагают, что пояснения хотя бы отчасти сняли обвинения в их адрес в том, что они, «сами этого не желая, недоработкой как теоретических, так и методических вопросов исследования запутали и самих себя, и читателей» (16, с. 174).

Наконец, завершающий, финальный аккорд: «Но в целом, несмотря на приведенные замечания, возникновение которых вполне естественно при формулировании собственных авторских взглядов на проблему экономического районирования / зонирования и связанного с ней стратегического анализа, обсуждаемая статья вносит весьма существенный вклад в решение этой важной научной задачи пространственной экономики и дает новый импульс для профессиональных дискуссий в этой области научного знания в целях коренного совершенствования и методологии, и методики пространственной организации общества» (16, с. 174).

И последнее, что бы хотелось сказать: легко и модно рассуждать о междисциплинарном синтезе, полидисциплинарном подходе, но на самом деле очень сложно обеспечить и то, и другое на практике. И необходимым условием реализации упомянутых выше «синтеза» и «полидисциплинарности» является не только терпимость по отношению к «чужому» опыту, но и желание овладеть тем «языком» описания проблем, который сложился за пределами «своей» науки. Тем более что вопросы, на которые призван отвечать стратегический анализ и, шире, — региональное стратегическое управление, не могут быть найдены, по мнению авторов, только на базе отдельно взятых экономики, географии, менеджмента, маркетинга, социологии, демографии или экологии, т. е. наук, которым наиболее близки эти проблемы. В этой связи авторы искренне благодарны Борису Ханановичу Краснопольскому за его отклик на статью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алаев Э. Б.* Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. 350 с.
2. *Анимица Е. Г., Сухих В. А.* Пространственно-временная парадигма в социэкономике: региональный аспект. Пермь: Изд-во ПГУ, 2007. 140 с.
3. *Бурдые П.* Физическое и социальное пространство: проникновение и присвоение // Социология политики / Бурдые П. М.: Socio-Logos, 1993. С. 33—52.
4. *Бурдые П.* Поле экономики // Социальное пространство: поля и практика / Бурдые П. М., 2005. 336 с.
5. *Вишневский Д. С., Демьяненко А. Н.* Макроэкономическое зонирование как метод стратегического анализа: Дальний Восток России // Пространственная экономика. 2010. № 4. С. 6—31.
6. *Вишневский Д. С., Харченко А. В., Хижняк В. Д.* Картографическое обеспечение исследовательской и хозяйственно-управленческой деятельности: основные направления и инструментарий // Вестник ДВО. 2011. № 2. С. 29—38.
7. *Демьяненко А. Н.* Район как объект стратегического управления в контексте теории организации // Пространственная экономика. 2008. № 2. С. 60—89.
8. *Демьяненко А. Н., Дятлова Л. А.* Вопросы экономического районирования: забытые достижения // Пространственная экономика. 2005. № 1. С. 153—162.
9. *Демьяненко А. Н., Дятлова Л. А.* Вопросы экономического районирования в работах экономистов-аграрников // Пространственная экономика. 2008. № 4. С. 71—102.
10. *Дятлова Л. А.* Концепция «генетических районов» А. Н. Челинцева // Пространственная экономика. 2005. № 2. С. 144—153.
11. *Ермошин В. В.* Сравнение схем физико-географического комплексного районирования российского Дальнего Востока // Геосистемы Дальнего Востока России на рубеже XX—XXI веков. Т. I. Владивосток: Дальнаука, 2008. С. 272—281.
12. *Инишаков О. В., Фролов Д. П.* Экономическое пространство и пространственная экономика // Пространственная экономика. 2006. № 2. С. 23—32.
13. *Краснопольский Б. Х.* Мифы и реальности экономического районирования (отклик на статью Д. С. Вишневского и А. Н. Демьяненко «Макроэкономическое зонирование как метод стратегического анализа: Дальний Восток России») // Пространственная экономика. 2011. № 2. С. 169—174.
14. *Минакир П. А.* Мнимые и реальные диспропорции экономического пространства // Пространственная экономика. 2008. № 4. С. 5—18.
15. *Минакир П. А.* Экономика и пространство // Пространственная экономика. 2005. № 1. С. 4—26.
16. *Минакир П. А., Демьяненко А. Н.* Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. 2010. № 2. С. 6—32.
17. *Пилясов А. Н.* Арктическое Средиземноморье: предпосылки формирования нового макрорегиона // ЭКО. 2010. № 12. С. 54—75.
18. *Шматко Н. А.* Введение в социологию Пьера Бурдые // Социология политики / Бурдые П. М.: Socio-Logos, 1993. С. 5—26.
19. *Bourdieu P.* Sketch for a Self-analysis. Chicago, 2007. 118 p.
20. *Reed-Danahay D.* Locating Bourdieu. Indiana University Press Bloomington, IN. 2005. 208 p.
21. *Scott J.*(ed). Fifty Key Sociologists: The Contemporary Theorists. Routledg, NY. 2007. 228 p.